

УПРАВЛЕНИЕ АРХАИЗАЦИЕЙ?

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Постановка вопроса об управлении архаизацией, о технологии и даже об этике такого управления искрит противоречиями... Очень проблемная тема.

Во-первых, что такое архаизация? Это утрата обществом развитых социальных институтов, их разложение и распад. Прежде всего, очевидно, речь идет о государстве и правовой культуре. Власть деградирует до клановых разборок и крышеваний. Право — до коррумпированных судов, в которые граждане предпочитают не обращаться. Но, поскольку потребность в третейском суде неизбежна — и у бизнеса, и у обиженных граждан — его функции на себя берут «конкретные авторитеты».

В отсутствие или при деградации гражданской идентичности на первый план выходит идентичность этническая, конфессиональная, корпоративная, клановая. Общество распадается на такие клановые группировки, его целостность обеспечивается только общим прошлым, СМИ, транслирующими некую общую политическую и досуговую «повестку дня».

Деградирует и личность, утрачивая возможности самореализации в проектном, ролевом, профессиональном, даже статусном планах. Все эти цивилизационные возможности опадают как листья с капустного кочана, оголяя кочерыжку этничности.

Деградирует и экономика, редуцируясь до природной ренты, финансовых махинаций и прямого бартера. Разложение общества порождает ситуацию тотального недоверия, когда бизнес не доверяет государству и обществу. Государство, в свою очередь, не доверяет бизнесу и обществу, а общество отвечает этим двоим такую же взаимностью. В такой ситуации не то что банковский кредит будет запредельным, любые инвестиции в развитие оказываются бессмысленными, а интересы и цели будут короткими как заячьи хвостики — только день простоять, да ночь продержаться. И это в лучшем случае. Чаше же всего это — урвать и конвертировать в надежную зарубежную собственность.

Короче говоря, архаизация — процесс многовекторного разложения и редуцирования общества, утрата им цивилизационного потенциала. Бывает такое в истории? Конечно, да. Распадавшаяся Римская империя «архаизировалась». Нынешние Конго и Сомали. Может такое положение быть целью развития данного общества? Думается, — нет.

В этой связи, и во-вторых, тогда — в каком смысле можно говорить об управлении архаизацией? Управление — целерациональный про-

цесс, деятельность, связанная с постановкой конкретных целей, обусловленных необходимостью выхода системы из некоей проблемной ситуации, с определением путей, способов достижения этих целей, с организационным, ресурсным обеспечением реализации продвижения на этих путях.

Конечно, можно допустить, что кем-то может быть поставлена цель разложения социальных институтов, сведения их к ритуалам, подменяющим право. Место закона занимают религиозные и корпоративные кодексы. Такими примерами могут служить исламская «республика» в Иране, приснопамятный «Проект Россия», предлагавший создание в России теократически-сословного государства. Собственно, вариантом такого обустройства был и СССР, в котором законодательство, включая Конституцию, федерализм играли роль некоего политического декоративного дизайна, тогда как все реальные процедуры выработки и реализации решений осуществлялись КПСС, о которой только в брежневской Конституции упоминалось как о руководящей и направляющей силе. Результаты этой глубокой архаизации мы пожинаем до сих пор.

Есть еще вариант понимания «управления архаизацией» как целенаправленного уничтожения — в духе «управления архаизацией России со стороны мировой закулисы». Однако такой сюжет можно оставить любителям конспирологических заговоров, но никак не философского осмысления.

Если же говорить о позитивном, конструктивном управлении, то сама по себе архаизация — глубоко проблемная ситуация. И, несомненно, общество, здоровые социальные силы заинтересованы в выходе из деградации и могут мобилизовать ресурсы, ставить цели, тратить силы на их достижение. Но это не будет «управлением архаизацией». Скорее, это будут попытки преодоления кризиса, а то и модернизации, выхода из распада и деградации.

В каком-то смысле можно еще говорить об «управлении архаизацией» в значении борьбы с неизбежными негативно-деструктивными последствиями модернизации. Действительно, всякая переструктуризация общества, его перенастройка сопровождается рядом негативных последствий — от временной безработицы до кризиса традиционной морали. Но и в этом случае «управление архаизацией» является неким метафорическим обозначением все того же кризисного управления.

Технология кризисного управления и модернизации хорошо известна. Весь исторический опыт — как зарубежный (в том числе и в Новейшее время), так и отечественный (если, хотя бы, вспомнить петровские реформы) — говорит о довольно ясном алгоритме выхода из «архаизации». Это: выработка внятной стратегии развития, ставка на освоение передовых практик, науку и образование, формирование на

этой основе новой элиты. Реализация такой стратегии предполагает централизацию власти, разъяснительную работу, и, по мере развития общества, делегирование полномочий на основе формирования новых институтов.

Главной проблемой при этом становится сопротивление новому — в силу тяготения к традициям, недостаточности знаний и опыта, боязни рисков и т.п. Сопротивление при этом может проявляться в широком спектре: неосознанного нежелания, неверия в предлагаемые действия, пассивного противодействия (искажения и утайки информации), игнорирования («без меня, ребята, я в эти игры не играю»), активного противодействия, саботажа с призывами вернуться к «настоящему делу» (т.е. отказаться от нововведений и заняться привычным делом). И какой бы предварительный анализ интересов и мотивов участников инициаторы модернизации ни проводили, всех возможных причин и источников сопротивления предусмотреть невозможно. Поэтому рано или поздно приходится прибегать к той или иной форме насилия: конфликтам, выговорам, административным мерам, перестановке кадров, увольнениям. В национальном масштабе дело может дойти до серьезных конфликтов. В силу этих причин практически ни одно такое принудительное нововведение не укладывается в запланированные сроки в запланированном объеме.

Однако существует ряд условий, обеспечение которых снижает действие этих негативных аспектов. Это, прежде всего, создание социальной базы поддержки нововведения, программы. Эта задача решается путем определения круга лиц — сторонников нововведения, силами которых оно и будет осуществлено. Желательно, чтобы эти люди обладали авторитетом, были компетентны, иначе их деятельность натолкнется на противодействие носителей противоположных мнений; желательно также, чтобы эти люди были достаточно молоды и энергичны и могли связать с нововведением свои профессиональные, деловые и жизненные перспективы. Идеальным случаем является именно сочетание «мастерства и опыта» с «молодостью и задором».

Необходимо по возможности расширять базу поддержки на остальной персонал. Достигается это с помощью разъяснения целей, перспектив, возможностей, возникающих при реализации модернизации, ее участникам. И жалеть времени на разъяснительную работу не стоит — она резко снижает сопротивление, которое может быть вызвано простым непониманием целей и сути нововведения. Радикальным решением этой проблемы является широкое вовлечение участников процесса в выработку принимаемых решений.

Поскольку всех возможных причин и источников сопротивления не предусмотреть, необходимы жесткий контроль за ходом (процессом, а не результатом!) нововведения и оперативное принятие необходимых организационных и административных мер.

В силу сказанного очевидно, что принудительное нововведение может быть успешным только при условии, что его инициаторы обладают всей полнотой административной власти, необходимой для перераспределения обязанностей, полноты контроля, принятия административных мер. Если у инициаторов проекта нет такой полноты административной власти для осуществления «революции сверху», то на принудительное нововведение им лучше не идти. Многие неудачи последних российских реформ обусловлены именно непрофессионализмом организаторов этих нововведений: отсутствием разъяснительной работы, мотивированной социальной базы и т.д.

Иногда на модернизацию приходится идти в ситуации кризиса, который может быть обусловлен природными, техногенными катастрофами, политическими, социальными конфликтами, экономическими проблемами и т.п. Чрезвычайно показателен в этом плане опыт попыток модернизации так называемых *моногородов* РФ, с которым мне пришлось столкнуться за время работы в составе экспертной группы Минрегиона. На примерах моногородов, как под увеличительным стеклом, фокусируются главные проблемы российской экономики и общества — связи, механизмы и процедуры взаимодействия бизнеса, государства, организованной и неорганизованной общественности. Более того, если говорить об архаизации, то именно она, в чистом виде стала не только возможностью, но и реальностью более 400 городов, в которых предприятия, обеспечивавшие работой жителей этих городов, по разным причинам лишились перспектив. Очень скоро выяснилось, что специфической «проблемы моногородов» собственно, не существует. Каждый из них имеет свою неповторимую, уникальную судьбу. Единого, универсального решения их проблем нет, и не может быть.

Попытки разработки комплексных инвестиционных проектов, их оценки и вывели на первый план вполне ожидавшиеся проблемы, такие как неразвитость инфраструктуры — транспортной, энергетической, топливной; неразвитость малого и среднего бизнеса, обеспечивающего экономическую инфраструктуру региона в целом, его инвестиционную привлекательность; отсутствие полноценного рынка жилья (существующее дешево и трудно продается, новое — дорого); низкие доходы населения; низкая мобильность трудовых ресурсов (как следствие всего вышеперечисленного); невостребованность инноваций — ни бизнесом (стремящимся к монополии), ни чиновниками, расчищающими для прикормленного бизнеса эту монополию, ни гражданами, не желающими менять привычный уклад жизни. Если государство само начинает выступать в роли собственника или создает преференции для «правильного» бизнеса доверенных лиц, бизнесу заниматься инновациями ни к чему.

Все это — застарелая российская проблема. Невостребованность инноваций перерастает в активное, а чаще пассивное сопротивление,

потому что новое угрожает сложившемуся укладу, чревато утратой рабочих мест, является вызовом компетентности широкого круга лиц и инстанций. Именно это и происходит в России, где по-прежнему определяющими являются установки на традицию, стабильность. Показателен в этой связи проект иннограда в Сколково под Москвой (что хорошо), с привлечением иностранного капитала и специалистов (что тоже правильно), но в проект закладывается принцип экстерриториальности, причем, как главное условие его успешности. Там будет действовать особый правовой, таможенный, налоговый режим. Для резидентов иннограда введены нулевые налоги на имущество организаций, на землю, транспорт, НДС, на прибыль. В Сколково будет своя, отличная от общероссийской, милиция, специально создаваемая управляющая компания будет заниматься ЖКХ. При всей важности этого проекта нельзя не признать, что он таким образом ставит диагноз российскому государству, неспособному создать условия эффективного развития инноваций больше нигде, кроме как в этом небольшом кампусе.

Малоконструктивными являются и попытки решения проблемы моногородов на основе государственно-частного партнерства. Подавляющее большинство отечественных наработок и рекомендаций по решению проблемы моногородов, в конечном счете, сводят эти решения к реализации тех или иных форм партнерства государства и бизнеса. Однако ограничение только взаимодействием власти и бизнеса напоминает «диалог» двух глухарей на току, не замечающих, что за ними пристально наблюдает третий. В данном случае — общество.

Вообще-то, очевидно, следует различать «развитие инноваций» и «инновационное развитие». Первое — связано с освоением новых технологий, дающих качественно новый уровень производительности труда и качества жизни. Полноценное инновационное развитие — проблема (а скорее — задача) микроэкономическая. Инициатор нововведения, просчитав риски, консолидировав возможные средства, имеет возможность реализации своего проекта. И за последствия своей инициативы он, как собственник, несет ответственность. Второе — некая внятная политическая стратегия модернизации общества, его экономики. Ярким примером такой стратегии является постколониальное развитие Сингапура. «Из третьего мира в первый» — так назвал книгу своих воспоминаний автор и реализатор этой стратегии Ли Куан-ю — глава правительства этой островной республики, за два десятилетия вышедшей к рубежу мировой цивилизации.

В этой связи особенно опасна инерция идеи второстепенности, вторичности социальной политики по отношению к экономике. Между тем, весь зарубежный опыт успешного решения проблемы моногородов (только за последнее десятилетие — города Рура в Германии, города провинции Рона-Альпы во Франции, ряд портовых

городов Японии и Великобритании) свидетельствует о том, что ключом к реализации проектов и программ их реструктуризации и развития является особо кропотливая работа с их человеческим потенциалом. Это подтверждает простую истину: люди — не просто человеческие ресурсы, а источник, механизм и результат экономического развития. Это наглядно продемонстрировал опыт успешной модернизации практически лишенных природной ренты экономик (Япония, Сингапур, Тайвань). И большинство Нобелевских премий в области экономики последних десятилетий получено за разработки именно социальных и социально-культурных факторов экономического развития. Поэтому проблема моногородов, особенно в российских условиях — не только экономическая проблема подтягивания государством определенных ресурсов. Это, прежде всего, проблема реализации внятной социальной политики, системно развертываемой на корпоративном и региональном уровнях.

Оценка эффективности корпоративной социальной политики, в конечном счете, должна соотноситься с реальными потребностями общества, с социальным заказом. Иначе социальные инвестиции могут оказаться нецелесообразными — по номенклатуре и по объему. Выработка такого социального заказа — дело диалога бизнеса с местными властями и общественностью. Наличие такого социального заказа позволяет говорить об эффективности социальной политики — изменении реальных проблем ее породивших, а также вычленять долю (соотношение) целевого использования средств и организационных расходов.

Столь же важной оказывается разъяснительная, образовательная работа, создание активной позиции местного сообщества, его готовность к инновационному развитию, требующему зачастую серьезных личных усилий. Речь идет об использовании комплекса информационно-коммуникативных технологий формирования ориентации населения на создание нового качества жизни. Социальные инвестиции в этом плане становятся точечным влиянием, инициирующим запуск процесса развития, а точнее — саморазвития региона. Пренебрежение такой работой, отношение к населению как к ренте (человеческим ресурсам), помноженное на боязнь социального взрыва, как раз и чревато возможностями такого взрыва. В этой связи несомненный интерес представляет опыт корпорации СУЭК, фонда Евразия в ряде городов Сибири, где социальные инвестиции по обеспечению занятости населения направляются не в бизнес, а на развитие человеческого капитала, ориентированного на поиски новых точек роста. Уже реализуемый опыт реструктуризации Тольятти показывает, что конкретная целевая работа с населением (разъяснительная работа, переподготовка и повышение квалификации, предоставление льготных кредитов на переезд и приобретение

жилья) приносит плоды. Люди безболезненно и даже с охотой семьями переезжают к местам новой работы, в данном случае в г. Тихвин, в который так не хотели ехать жители Пикалева, находящегося в 10 минутах езды на автобусе, но с которыми разъяснительная работа не велась, и они предпочитали перекрывать трассы в ожидании приезда нацлидера.

Таким образом, на примере моногородов особенно ясно видно, что главная проблема модернизации и инновационного развития — как собственно для моногородов, так и для российского общества в целом — в уровне развития социальных институтов. Прежде всего — собственности, права, гражданского общества.

Если суммировать сказанное, то получается, что в проблеме «управления архаизацией» можно вычленить две реальных темы: (а) оправданность и обоснованность употребления такой терминологии, и (б) возможность и технология эффективного управления в ситуациях кризиса, упадка, разложения, социальной деструкции.

Если же обратиться к ситуации современной российской «архаизации» (а симптомы ее очевидны), то бросается в глаза отсутствие ясно артикулируемой стратегии. Идет перманентное «разруливание» проблемных ситуаций за счет использования природной ренты. Да и сформулировать стратегию, за отсутствием полноценной элиты, людей с «длинными мыслями», похоже, просто некому, помимо прочего и потому, что политический класс не дает сложиться механизмам формирования полноценной элиты, постоянно зачищая и вытаптывая поле публичной политики. Более того, создается впечатление сознательной и целенаправленной «архаизации» образования и науки.

Если что-нибудь и не терпит отлагательства, так это уяснение возможностей формирования и роста новой российской элиты, способной открывать новые горизонты развития общества и пути продвижения к этим горизонтам.